

Шамба Балинов

По вольноказачьим округам

(Путевые заметки)

В сегодняшних эмигрантских условиях, иногда самые обыкновенные вещи для людей, живущих в нормальных условиях, для нас превращаются в трудно разрешимые проблемы. На самом деле: Что значит для организации, функционирующей в среде родного народа и существующей в своем государстве, командировать кого-либо из членов в объезд провинциальных организаций или даже командировать за границу?.. Пустяк — касса выдала суточные, купил дорожный билет, уложил чемодан и вся недолга!..

Но какое трудное дело объехать наши Вольноказачьи округа, существующие в пяти-шести разных государствах, когда Центральное Правление может дать только... распоряжение выехать, а в кармане ужасный нансеновский паспорт и нет денег!?

Однако, распоряжение получено и нужно приложить все усилия к тому, чтобы оно было выполнено. В нашем идейно-политическом деле этот случай в моих глазах приобрел некое символическое значение. Я подумал: «А что если завтра последует от Центра распоряжение — прибыть немедленно туда-то для выполнения ответственной задачи? Способны ли мы, в частности — способен ли я, выполнить это приказание и тем исполнить свой долг, или мы ограничиваемся только писанием статей, выпуском журналов, пока не ударил ответственный час, когда мы окажемся не в состоянии выполнить самую необходимую работу?»...

Такие мысли взвинтили меня, и я начал метаться. Стучался всюду, тянул каждого, использовал все случайные возможности, испытал самую судьбу, и не прошло и месяца, а я уж был готов к выезду, преодолев все препятствия, связанные с безденежьем и нансеновским наследством. Правда, пришлось довольствоваться транзитными визами во все намеченные государства, т. е. без права остановки, но права-правами, а необходимость суть необходимостью. Только не мог получить никакую визу в Болгарию.

Необходимость кому-либо из членов Центр. Правления объехать все наши Вольноказачьи округа, побеседовать с нашими главными работниками, обменяться с ними мнениями по всем важнейшим нашим вопросам, установить контакт, ощущалась давно. Этот вопрос приобрел особенную остроту в связи с предстоящим Съездом Представителей ВК округов и членов Руководящего Политич. Кадра Национального Казачества.

Поэтому понятно, что ЦП., как только я сообщил, что готов к выезду, распорядилось — немедленно выезжать, дав маршрут и указав пункты. И 14 апреля я выехал, по состоянию своего кармана не будучи уверенным — попаду ли в этом году обратно домой, или превращусь в перелетную птицу.

В купэ вагона международного экспресса, куда я вошел с своим небольшим чемоданом, сидел только один господин, занявший все места своими внушительными чемоданами разных форм и

размеров. Усаживаюсь против него у окна, и поезд трогается в путь.

Сосед мой, молча дымит сигарой и не замечает моего присутствия. Из окна вагона любясь разворачивающимися картинами, пробуждающейся весной природы, молчу и я. Чего-чего, а насчет молчания меня не пережеголяешь.

На пограничной станции я слышу, что мой сосед объясняется с чиновниками на смешанном англо-французском языке, а он слышит, как я объясняюсь на франко-русском. Когда ушли французские чиновники, пришли и ушли немецкие, и когда поезд мчался уже по территории Германии, я вижу, что сосед мой не выдерживает состязания в молчании и не прочь завязать со мною разговор. И действительно, не прошло и часа, как мой сосед открыл уста. Рекомендуются. Оказывается он — американец, служащий какого-то банка на Подкарпатской Руси в Чехословакии, и что он едет из дому после отпуска.

Моя рекомендация, что я — по национальности калмык (монгол), явно вызывает в нем любопытство и, как будто, даже радость. Наверно он думал, что я — японец. Своим ответом на его вопрос, что я гражданин казачьего государства, привел его в явное изумление. Моя дальнейшая рекомендация, как члена «Центрального Комитета» казачьего освободительного политического движения, и визитка журналиста заставили его засыпать меня различными вопросами.

Ничего не оставалось делать, как пуститься на моем скверном французском языке в объяснение, что такое Казачество, казачье государство, о казачьем национально-политическом освободительном движении. Тут я обнаружил, что на языке, которым не владеешь досконально, легче всего говорить именно о политике, потому что много интернациональных слов и целых фраз. Собеседник мой, несмотря на слабое знание французского языка, вижу понимает. Парень то вообще толковый оказался.

За лекцией о Казачестве время быстро проходит. Проболтали почти всю ночь и почти подружились. Характерно, что американец, как только понял стремление казаков к самостоятельности, тут-же задал вопрос — чем богата казачья земля? Тут я уж его угробил нашими богатствами. Бедняга только головой покачивал! Мои предположения о возможности применения в Казакии американского капитала привели его в явное возбуждение. Нефтепроводы, сахарные заводы, шахты, элеваторы, железнодорожное строительство, парашотное, продукты скотоводства — грандиозные экономические перспективы будоражили воображение дельца-американца.

Наутро наше купэ заполнили немцы. Мой спутник по немецки говорил бегло. Разбираю, что вошедшие спрашивают его обо мне, а мой американец пустился в длинные объяснения о Казачестве,

по казачьему вопросу. Немцы с не меньшим интересом слушают его, чем американец меня. Вошедшая партия постепенно раструживается по станциям, входят новые лица, возникают новые запросы, и мой американец неутомимо просвещает пассажиров по казачьему вопросу. Я чувствую, что свое дело сделал, и молчу. Ночная лекция, с трудом переданная мною на французском, вижу, попала на благодатную почву...

Но вот и граница Чехословакии. Чувствую на душе какое-то облегчение и радость. Приближаюсь к стране, где я десяток лет прожил благополучно, где множество моих друзей, знакомых, родственников и где получил свое общественно-политическое воспитание. На границе сам вступаю в разговор с чешскими чиновниками, чем явно радую их и изумляю моего спутника. В Пильзене, мысленно отмахнувшись от предписания врачей, выпиваю кружку золотистого пильзенского и с аппетитом кушаю две пары знаменитых чешских горячих „парок“ с горчицей.

А к вечеру с заметным радостным возбуждением слезаю на Вильсоновой станции в Праге и встречаю здесь поджидавших меня Василия Григорьевича Глазкова и Александра Бурчинова.

При виде их чувствую над собою власть времени и бремя лет: Вместо молоденького шустрого студентика Васи Глазка, каким я его помнил по прежним годам, я вижу перед собою возмужалого серьезного инженера, уже ведающего ответственной строительной работой такого города, как Прага, а вместо курносенького молчаливого гимназиста Шурки, вижу здорового ростом, серьезного молодого человека — свободного художника Бурчинова, несмотря на чрезвычайные трудности, самостоятельно пробивающегося к жизни и деятельности. Как быстро летит время, и как оно меняет людей!..

Прага для нас, российских эмигрантов, пробывших здесь много лет, является как бы второй родной столицей, особенно когда побываете в других европейских столицах, где ничего для вас нет родного и знакомого. Тут знакомая речь, знакомые места, что ни угол, то воспоминание о прошлых годах, людях и событиях.

Казачье-Калмыцкая Прага на этот раз меня особенно хорошо приняла. Явственно ощущаю тот большой и приятный перелом, который произошел в отношении меня у вольных казаков. В те годы, когда я работал с Билым, в качестве одного из его главных сотрудников, молчаливый укор и сдержанность со стороны местных казаков-национали-

стов тяжелым камнем давили меня. Теперь от тех отношений нет и следа! Искренняя радость, открытость, гостеприемство самое братское были наградой за все трудности, перенесенные за последние четыре года нашей самостоятельной работы вокруг Цент. Правления и „Казаккии“.

Приятная перемена произошла за это время и со стороны нашей Пражской Калмыцкой молодежи: Если раньше на Балинова и Балыкова она смотрела, как на людей, занимающихся не своим делом, о Казачестве думающих больше, чем о народе своем, ныне она кажется, уже поняла, что через служение Казачеству мы искренне пытаемся служить интересам своего народа и в этой своей попытке дали пример жертвенности и бескомпромиссности. Какой это импульс для дальнейшего служения делу!!!

Еще одна радость ожидала меня в Праге: Это совсем иное отношение казаков к движению Вольного Казачества. Если раньше волным казаком приходилось как-то избегать людного общества, если Билый, в последние годы своего пребывания в Праге, буквально прятался от казаков и, что называется, „шмыгал“, то теперь наша Пражская руководящая шестерка (Федоров, Глазков, Фесенко, Д. Еременко, А. Медяник, Н. Каледин) открыто выступают с проповедью идеи казачьей самостоятельности на больших собраниях, и их спокойно слушают. Мало этого, на публичное вольноказачье собрание (доклад Глазкова), устроенное на третий день моего пребывания здесь, пришло больше 90 человек местных казаков, и против дружных, организованных выступлений вольных казаков не раздалось ни одного серьезного возражения!..

Я не буду здесь описывать это собрание о котором дадут отчет сами пражане. Я хочу здесь только передать то чувство радости, гордости и успокоения, которое я испытал на этот раз в Праге. Действительно: Что может быть радостнее для общественно-политического работника, когда через много лет искренней и самоотверженной работы, однажды, видишь и ощущаешь, что идея твоя укрепляется, что твою правоту люди поняли, работу оправдали и прониклись к тебе уважением?..

Время быстро протекало в Праге во встречах с вольными казаками, просто с хорошими казаками, старыми знакомыми, а наши интимные вольноказачьи беседы происходили в атмосфере взаимного полного доверия, серьезного отношения к делу... Неделя пролетела быстро. Там нужно было побывать в Брно, а главное, наш строгий Президиум ЦП, торопил с продолжением пути.

С. Ф. Лантух

Плохая реклама

„Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги точать пирожник“ — учил когда-то каждый, кто ходил в начальную школу. Но, к сожалению, многие это мудрое поучение забывают, особенно те, кто взял перо в руки, нацарапал сомнительное „произведение“ и при помощи снисходительной редакции раз-два попал на страницы журнала.

Было бы еще пол-беда, если бы такие „журналисты“ свои изощрения приподносили казачьим читателям, вращался бы уж в своей среде, где как ни прикидывайся, а истинную цену каждому знают, но уж беда полная и прямо преступление, когда эти смелые, но малограмотные люди, не умеющие даже толком использовать готовые данные, даже